

Научная статья

УДК [130.2:7.01]:745(470)

DOI 10.46748/ARTEURAS.2026.03.004

Духовно-философские основы народных художественных промыслов России и проблема культуронаследования

Закунов Юрий Александрович

Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Москва, Российская Федерация

zakunov.yuri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0713-3928>, SPIN-код (Science Index): 5598-6662

Аннотация. Актуальность темы связана с проблемой сохранения традиций народного искусства в современной России. Народные художественные промыслы теряют идентичность: размываются их духовно-нравственное содержание и стилистика под влиянием коммерциализации и ведомственной принадлежности, не соответствующей их роли как носителей национального культурного кода. Научная новизна состоит в рассмотрении проблем традиционного искусства через призму культурологического и философского научного аппарата, а также относительно новой области научных исследований — наследования культуры. Ключевые понятия «данность», «заданность» и «осуществление» позволяют систематизировать практику культуронаследования, актуализировать процесс его изучения, увидеть его всеобщий характер и возможность конкретизации основных компонентов в своеобразии (неслиянности) и единстве (нераздельности) применительно к сфере художественного творчества. В статье сделан акцент на православных основаниях русского народного искусства, определяющих целостность его наследования и соотносимых с духовно-эстетическими и нравственными константами формирования российской цивилизационной идентичности, ее фундаментальными основами. Выявлены актуальные методологические и практические проблемы, связанные с дальнейшим развитием народных художественных промыслов, намечены принципиальные пути их решения. Важно сохранение культуры как целостного процесса, в котором главным содержанием являются не столько внешние показатели, сколько усвоение и культивирование в личности внутреннего благодатного духовно-душевно-телесного творческого акта, имеющего самобытный национальный характер и способного интегрировать все слои и аспекты наследования традиции и творческого обновления. Это позволяет русскому народному искусству, пронизанному божественными энергиями Пресвятой Троицы, как культурному наследию пребывать в вечности, быть движущей силой преобразования общества и человека.

Ключевые слова: наследование культуры, традиционные ценности, народное искусство, православное мировоззрение, русская цивилизация, ценностно-цивилизационный подход

Для цитирования: Закунов Ю.А. Духовно-философские основы народных художественных промыслов России и проблема культуронаследования // Искусство Евразии [Электронный журнал]. 2026. № 3 (42). С. 82–101. <https://doi.org/10.46748/ARTEURAS.2026.03.004>. URL: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1316>.

Original article

Spiritual and philosophical foundations of Russian traditional handicrafts and the problems of cultural inheritance

Yury A. Zakunov

Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
 zakunov.yuri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0713-3928>, SPIN-code (Science Index): 5598-6662

Abstract. The relevance of this topic lies in the problem of preserving folk-art traditions in contemporary Russia. Traditional handicrafts are losing their identity: their spiritual, moral, and stylistic substance is being eroded by commercialization and by a departmental affiliation that fails to reflect their role as a national cultural code. The scientific novelty of this study lies in examining the problems of traditional art through the prism of cultural and philosophical conceptual frameworks, as well as the relatively new field of scholarly research: cultural inheritance. The core concepts of 'givenness', 'predeterminedness', and 'implementation' make it possible to systematize the practice of cultural inheritance, bring relevance to its study, and demonstrate its universal character, as well as the possibility of defining its main components in their uniqueness (inseparability) and unity (inseparability) as applied to the field of artistic creativity. The article emphasizes the Orthodox foundations of Russian folk art, which determine the integrity of its inheritance and are linked to the spiritual, aesthetic, and moral constants that shape Russia's civilizational identity and its fundamental foundations. The study identifies pressing methodological and practical problems associated with the further development of traditional handicrafts and outlines fundamental paths toward their resolution. It is crucial to preserve culture as a holistic process, the primary substance of which lies not so much in external indicators as in an individual's assimilation and cultivation of an inner, grace-filled, spiritual-psychological-corporeal creative act. This act possesses a distinct national character and is capable of integrating all layers and aspects of both the inheritance of tradition and creative renewal. This enables Russian folk art, permeated by the divine energies of the Most Holy Trinity, to endure as cultural heritage, serving as a driving force for the transfiguration of society and the human being.

Keywords: cultural inheritance, traditional values, folk art, Orthodox worldview, Russian civilization, value-civilization approach

For citation: Zakunov, Yu.A. (2026) 'Spiritual and philosophical foundations of Russian traditional handicrafts and the problems of cultural inheritance', *Iskusstvo Evrazii = The Art of Eurasia*, (3), pp. 82–101.

doi:10.46748/ARTEURAS.2026.03.004. Available from: <https://eurasia-art.ru/art/article/view/1316>. (In Russ.)

Введение

Когда речь идет о традиционных духовно-нравственных ценностях, исследователи часто ограничиваются их абстрактным перечислением. Но как показать их во взаимосвязи, системности и историческом развитии, отразить степень оживления в личном опыте и конкретных образцах народного, в частности изобразительного, искусства?

Российская система нравственных традиций сохранилась в качестве целостного и преемственного феномена благодаря традиционным религиям и национальному характеру, склонному следовать скорее нравственности, укорененной в чувственном восприятии Добра, Правды и Красоты, чем западной морали, определяемой рационально-прагматичными понятиями.

Однако в современном обществе наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, это рост лицемерия и безнравственности, которые проявляются в расколе между моралью и нравственностью, то есть в понимании морали как «компромисса между конкурирующими принципами», на основе которого человеку позволяется самостоятельно выбирать степень моральности своего поведения. Тем самым запускается проект «новой морали» потребительского общества или «цивилизованного варварства», предназначенного для рабов под маской свободы, где побеждает не тот, кто прав, а тот, кто сильнее. С другой стороны, есть тенденция всё большего осознания людьми неизбежности победы традиционной нравственности (*целомудрия, любви, правды, красоты, веры, добра, милосердия, мужественной борьбы за правое дело*) над ведущими к трагической гибели человечества ее антиподами (*ненавистью, лицемерием, насилием, гедонизмом, равнодушием, эгоизмом, завистью, подозрительностью, унынием, пошлостью*), без победы над которыми счастье не может быть достигнуто.

Негативные явления сказываются на современных процессах наследования традиционной народной культуры в лице народных художественных промыслов, которые не выдерживают конкуренции с их суррогатами (подделками) в условиях рынка, низкой культуры потребления и наступления массовой культуры. Здесь необходимо четкое, научно обоснованное определение критериев отнесения культурного продукта, например предмета декоративно-прикладного искусства и всей деятельности, связанной с его созданием, именно к народному искусству. Такой продукт оказывается более эффективным по своему воздействию, чем культурный контент, продолжающий народные или классические эстетические традиции, соответствующие духовно-нравственным ценностям российской цивилизации. Другая сторона негатива связана с неразличением понятий «народный» и «языческий» применительно к традиции, а также внеисторическим и внедуховно-философским пониманием ее развития.

В существующей научной литературе по искусствоведению, где даются определения народных художественных промыслов и традиционного народного искусства, вопросы их сохранения как сложного, комплексного, динамичного

процесса именно *наследования культуры* на основе ценностно-цивилизационного подхода почти не рассматриваются¹, если не считать трудов академика М.А. Некрасовой².

Именно ценностно-цивилизационный подход позволяет наиболее глубоко понять цельность художественного процесса в его исторической *конкретности* и *развитии* как выражение единства национального и универсального в культуре и искусстве, как синтез всеобщего, особенного и единичного, сочетание традиции и обновления. Это система ценностей российской цивилизации и культуры, сконцентрированная и выраженная как национальная идея или культурный код, — глубинная движущая сила исторического бытия и самосознания народа.

Духовно-философские основания проблемы наследования культуры

Для отечественной православной традиции всегда первичным является духовный фактор и необходимость аксиологического измерения деятельности [1, с. 43]. Опираясь на теоретическое наследие Д.С. Лихачёва, Е.А. Полякова и Н.М. Андрейчук отмечают, что «традиции русских народных календарных праздников тесно связаны с ритмами умирающей и возрождающейся природы, с идеей вечной бессмертной жизни, они помогают человеку преодолеть страх смерти, наполнены радостью и весельем, эмоциональной выразительностью — “люботоржественностью”, “всерадостным весельем”. <...> С другой стороны, христианство “воплощалось” в народе, “одеваясь плотью” его предшествующей истории, культуры, национальной традиции, пронизывая и освящая их» [3, с. 386]. В развитие этой мысли И.Р. Шафаревич подчеркивает: «Индивидуальность народа при этом не только не утрачивается, но приобретает новые грани, а часто впервые осознается» [4, с. 100]. Особенно если речь идет о полноценном сохранении культуры, где главным содержанием являются не внешние показатели, а усвоение внутреннего духовно-душевно-телесного творческого акта, который имеет самобытный цивилизационный и одновременно всеобщий характер, способный интегрировать все аспекты и позволяющий временному культурному объекту пребывать в вечности [5, с. 54].

Методологической базой рассмотрения обобщенной православной модели мышления русской

¹ Власов В.Г. Основы теории и истории декоративно-прикладного искусства : учебно-методическое пособие. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2012. 156 с.; Кошаев В.Б., Бубновене О.Д., Бундин Ю.И. Тезаурус художественной культуры. Научная концепция конгресса : Методические материалы. Глоссарий. М.: Ханты-Мансийск: МГХПА им. С.Г. Строганова, 2017. 31 с.; Русский народ. Энциклопедия народного и декоративно-прикладного искусства : в 2 т. / гл. ред., рук. проекта О.А. Платонов, науч. ред.-сост. С.В. Лебедев. М.: Институт русской цивилизации, 2020. Т. 1: А–М. 647 с.; Т. 2: Н–Я. 688 с.

² Некрасова М.А. Народное искусство России в современной культуре, XX–XXI век. М.: Коллекция М, 2003. 254 с.; Народное искусство: русская традиционная культура и Православие, XVIII–XXI вв. Традиции и современность : сборник / ред., авт. проекта, сост. М.А. Некрасова. М.: Союз Дизайн, 2013. 623 с.

цивилизации является традиция древнецерковной антропологии, закреплённая в святоотеческом учении, осмысленная и воспринятая русским духовно-философским и культурным наследием, представленным выдающимися мыслителями России XIX–XX веков.

Если речь идет о православной традиции русской философии и соответствующем стиле мышления, то оправданно говорить о ней как важнейшей части целостного процесса познания, особом типе православного мышления и мировоззрения именно русской цивилизации, живущем в душе и творчестве народа. Здесь национальная идея или культурный код предстают как благо, то есть реальная сила, частично уже данная человеку как факт, как возможность большего, как предмет желания и в то же время еще заданная человеку для цельного познания и осуществления в совершенной форме. Без обращения к православной антропологии и аксиологии, *троическому* пониманию мира и человека здесь не обойтись.

А.С. Панарин в определении сущности русской цивилизации подчеркивал ее универсалистский характер, основанный на готовности к служению миру, всечеловеческим, а не эгоистическим этническим интересам. Как государство-цивилизация с самого начала Россия «не довольствовалась наличностями этнического, географического и административно-державного толка, а являлась по преимуществу ценностно-нормативной, духовной» [1, с. 43]. Русская цивилизационная идея, объединившая в единый этнополитический союз разные племена и народы на огромном пространстве, состояла в реальном преображении бытия и человека, являлась результатом взаимообогащения рациональной мысли, чувственного опыта и волевого действия на основе духовных актов — сердечного созерцания, совести, веры, разума, интуиции. Она возможна как религиозный целостный способ освоения мира и невозможна без Божественной благодати, хотя порой и неосознанной. Рациональная или разумная верующая мысль выявляет себя как духовно-философская движущая сила наследования и созидания культуры в единстве прошлого, настоящего и будущего. Эта сила принадлежит и философии, и религии, и науке, и искусству, и политике. Оправданно рассмотрение логики ее развития от данных истоков в исторической динамике (осуществлении) к метафизической заданности (перспективам).

Для отечественной духовно-философской мысли, ориентирующейся на открытие истины «как очевидность, как непосредственное знание, как устремление деятельности» [6, с. 8], историософские и антропологические вопросы, взятые в фокусе иерархии ценностей и их глубинной природы, всегда занимали исключительно важное место.

Постоянный интерес к ним подогревался поиском «цельности, синтетического единства всех сторон реальности, всех движений человеческого духа» [7, с. 16–17]. Аксиология социокультурной сферы акцентирована здесь на проблемах отношения Бога, мира, церкви, культуры и человека, высших духовных основах, образующих цельность (все-единство), и ориентируется в наиболее значимых, типичных своих проявлениях на идеалы Правды, Красоты, Добра, Веры, Справедливости, Любви, Духовной Свободы, воплощаемые в национальных формах культуры, истоки которых хранились в народной душе и воплощались в народном искусстве [8, с. 93–94].

Россия, будучи средоточием общезначимых проблем всего человечества, вольно или невольно разрешала их «в принципе», становилась тем уникальным «сверхъестественным» миром, где обнаруживали себя основные ценностные альтернативы социокультурного бытия, выявлялся смысл человеческой истории, разоблачали себя в невиданных масштабах ложные мировоззрения, идеологии и практики, взаимодействовали культуры и цивилизации, вершилась онтологизация истины, что получало выражение в светлых образах народного искусства, открытых и близких остальным народам. Здесь универсальный принцип *цельности*, призванный быть основанием всей методологии социально-философского познания, следовал из православного мировоззрения, применим к логике понимания истории всего человечества. В этом нет национальной гордыни и исключительности, а напротив — уникальная способность русской нации к жертвенному спасению многих иных народов.

Важнейшее значение для русского православия, помимо учения святых отцов о троичности Бога и катафатического богословия, имеет мистическое учение и практика исихазма («спокойствие, уединение») — безмолвной молитвы ради созерцания Божественного (Фаворского) света, явленного при преображении Христа. Можно созерцать непознаваемое (Бога) и общаться с ангельскими материями посредством Божьей благодати. Наследницей исихазма является вся духовная традиция в лице Сергия Радонежского и его учеников.

Согласно паламизму, мир пронизан божественной энергией, которая открывается человеку через созерцание природы с помощью молитв. Человек — это богопознающее существо, микрокосм, соединяющий душу и плоть, способность ощущать и общаться. Молитва совмещена с трезвением — контролем за всеми исходящими изнутри помыслами, изгнанием всех чувственных образов, что создает очищение ума и сердца и подготовку подвижника к Богосозерцанию как духовному, «внутреннему» узрению. Благодаря

умно-сердечной молитве — ее творят все православные — можно приобщиться к Божественному свету, ведя правильную духовную жизнь. «Бог может непосредственно встретиться с человеком, так как сам Бог-Слово воплотился и принял человеческое тело, так сказать, опуская всякую иерархию бытия. Не будет чем-то неприличным для Божьей природы, чтобы тому же человеку явиться и с ним разговаривать. <...> [Ссылка] на воплощение разрушает философское убеждение о несовершенстве или даже грешности материи, к которой совершенный нравственно и онтологически Бог не может присоединиться. Мысль Максима Исповедника и Иоанна Дамаскина относительно христианского учения о воплощении защищает другую оценку материального мира. Телесность не может быть злой сама по себе, если сам Творец считает достойным принять ее и в ней проявить себя», — пишет А. Палушинска [9, с. 165].

«Бог непознаваем в Своей Сущности, но познаваем по Своим энергиям. Приобщение Богу есть приобщение Его энергиям: “Сущность непричастна, ибо она превосходит причастие”. <...> Что касается образов и структур, реализованных в тварном мире на одном онтологическом уровне, в одной природе, высшим первообразом могут быть только Божественные Ипостаси Святой Троицы, так как тварные образы и структуры суть тварные ипостаси и их отношения на одном онтологическом уровне. Это относится и к человеческим ипостасям — личностям, и к их отношениям. Говорим ли мы о многих личностях или о внутренней структуре одной личности, то вслед за святыми отцами мы обращаемся как к первообразу к Святой Троице», — отмечает В.А. Капитанчук [10, с. 15–16]. Церковная традиция, писания св. отцов обыкновенно понимают свет как естественную икону Божества, божественной благодати, фаворского нетварного света, божественных энергий.

Так, в православной традиции оправданно рассмотрение различных аспектов бытия как естественных икон, у которых есть свой первообраз. «Бог-Троица есть абсолютное совершенство и полнота, в которой осуществляется единосущие трех Лиц, таинственное тождество монады и триады, и в то же время различие трех Ипостасей. Ипостаси в Святой Троице всегда находятся одна в другой, соединяются, не сливаясь, не смешиваясь друг с другом. Различаются они, по словам Иоанна Дамаскина, *нерождаемостью, рождением и исхождением*», — пишет Н.С. Рыбаков [11, с. 129]. Это тринитарное совершенство проецируется и на человеческий уровень бытия, задавая вектор для раскрытия внутреннего потенциала личности. В контексте святоотеческой традиции этот антропологический аспект подробно исследует философ и богослов А.С. Позов (Авраам

Позидис): «Одна из величайших тайн христианства — преобразование души, начинающееся с очищения (катарсиса) и выражающееся в ее просветлении и одухотворении. Катарсис — важнейшее условие восстановления человека, возрождения его духовности. Обновление души начинается с обновления ума, который затем просветляет душу» [12, с. 117]. От непреображенного сознания, где разрознены ум, чувства и воля, душа устремляется под действием благодатной силы молитвы и святых таинств внутрь — к духовному сокровищу, сердцу (ум — к Истине, воля — к Добру, чувства — к Красоте), где происходит таинственное преобразование, человек возгорается (русские слова «крещение», «воскресение» происходят от слова «кресало», то есть огонь) и после этого несет свет вовне себя, миру. Отсюда и «крест», являвшийся на Руси символом солнца, то есть животворящего огня, и главный символ христианства — распятие на кресте, и святость, изображаемая в ореоле нимба. Всё есть икона. Здесь важно повсеместное использование христианских образов и символов в народном традиционном искусстве (декоре крестьянской избы, одежде (кокошник), изготовлении и росписях повседневных предметов в художественных промыслах: хохломе, городецкой росписи, вологодском кружеве, гжели, палехе и прочих) [6].

Именно на восточно-христианский, православный по духу характер русской народной культуры и художественных промыслов следует сегодня указать как на главный, наиболее аутентичный их признак, выражающий глубокие мировоззренческие смыслы. В созданных народных образах они передаются через художественную традицию от поколения к поколению, сохраняя при этом цельность, красоту, самобытность, мастерство, преемственность и индивидуальность воплощения.

При этом факт наличия древних языческих символов в предмете изобразительного искусства отнюдь не является свидетельством его аутентичности национальной традиции. Суть традиции не сводится к этим истокам и предпосылкам в лице первобытного искусства и языческих представлений, которые имели исторически преходящий характер. Из них православная народная традиция выросла, но от которых она отказывается так же, как в Новом Завете происходит отказ от Ветхого и язычества. Всё началось с крещения Руси, затем на протяжении столетий христианский дух постепенно проникал во все сферы культуры и общественной жизни: от религиозного искусства, связанного с культом (храмы, иконы и тому подобное), до политических и хозяйственных форм, языка и повседневного быта всех сословий; наконец, он получил оформление в народном искусстве — фольклоре и народных художественных

промыслах. Искусство народных художественных промыслов имело истоки в мастерских при храмах и монастырях и подкреплялось ими; там создавались предметы церковного обихода, мастера обучались художественному вышиванию, обработке дерева и металла, замечательным по искусности и глубине создаваемых образов. Значение магических древних символов утрачивалось, и если они еще сохранялись, то приобретали новый смысл в контексте общего замысла — идеи духовного преображения мира.

Один из ярких примеров взаимопроникновения в культуре Руси народного и религиозного — это отсутствие четкого различия между ними. Речь идет о так называемых «небесах» — убранстве деревянных часовен Русского Севера в Кенозерье (особое перекрытие потолка), основными заказчиками которых были крестьяне. На большом пространстве было лишь семь церковных приходов, но более восьмидесяти часовен (сохранилось около 40). Здесь нет следования сложившимся храмовым православным канонам. «Расписное “небо” <...> символизирует небесную сферу со звездами (за каждой — ангел), Солнцем, Луной и царствием Бога. Каркас конструкции “неба” напоминает солнце с расходящимися лучами. “Небо” состоит в основном из восьми, двенадцати или шестнадцати радиальных граней»³ со святыми (ил. 1).

Это пример того, как исключение подтверждает правило в силу специфики данного региона и его удаленности. На остальном пространстве России принцип симфонии властей и различия церковного (канонического) и светского (народного) проводился по возможности четко и последовательно в образах и творениях культуры, которая имела ярко выраженный сословный характер. Но христианские образы «неба», святости, любви, радостное мироощущение божественной красоты природы, установка на миропреображение (а не миропочитание или миропокорение), радость от осознания спасения мира и человека благодаря Христу и его Воскресению — всё это присутствует в образах народной культуры, в частности в народных художественных промыслах. Эта культура, которая естественно пришла на смену языческой, была ненасильственной, чуждой официозу, светскому академизму, формализму, конъюнктуре и обращена к Вечному.

Так, например, знаменитые павловопосадские платки, при всём многообразии цветовых решений, материалов (шелк, шерсть, хлопок, вискоза) и соответствующих названий изделий, всегда содержат два центральных ключевых символа: крест и/или восьмиконечную звезду (символ Богородицы, Вифлеемской звезды). Они являются центром

всей композиции рисунка, состоящего из прекрасных ярких цветочных узоров (ил. 2–4).

Те же символы, но менее бросающиеся в глаза, присутствует и в вологодском кружеве (ил. 5–6) и тамбовской вышивке (ил. 7) и др.

В других образцах народных художественных промыслов (Гжели, Палеха, Жостово, в золотном шитье, городецкой росписи и других) христианские символы прочитываются в образах птиц (символ Святого Духа), виноградной лозы и плодов, цветочных узорах (аллюзии к райскому саду; ил. 8–9).

Философско-культурологическое измерение, связанное в данном случае с художественной деятельностью, предполагает органичную взаимосвязь трех ключевых пластов и соответствующих компонентов культуры, различаемых по отношению к высшим ценностям (духовным), творческим (художественным и антропологическим), внешним (социальным):

1. *духовно-философская составляющая* (метафизическая): данность — заданность — осуществление;

2. *внутренняя составляющая* (творческий акт): творческая идея — художественный образ — техническое мастерство воплощения в материале;

3. *внешняя составляющая* (социальные структуры): человек как художник — процесс создания художественного произведения — восприятие аудиторией (потребитель).

Все три пересекаются между собой, образуя сеть взаимосвязей (пластов и компонентов), неполноценность или нарушение иерархии между которыми ведет к нарушению гармонии (красоты). Главное — это восприятие человеческим духом Божественного Предмета, приобщение к Его свету, Благодати.

Традиция народных художественных промыслов закреплялась и продолжала оставаться живой на основе духовных принципов: цельности, правды, всемирности, богочеловечности, образно-символического освоения мира, идеалов преображения, приоритета (иерархии) духовно-нравственного над мирским, свободной благодатной любви к Совершенному [5, с. 37]. Исторически к середине XIX века необходимость укрепления триады сильной военной государственности, реально-мистической церковности (религиозности) и свободного творчества народа проявляла себя как сила самоопределения России. Неслучайно великий подъем и достижения культуры России позапрошлого века сопровождалась расцветом народных художественных промыслов, которые развивались, исходя из *данных* сфер и предметов, соотносясь с *заданным* первообразом, и находили совершенную форму для его выражения. Здесь

³ «Небеса» ручной работы // ФГБУ «Национальный парк “Кенозерский”»: официальный сайт.
URL: <https://kenozero.ru/o-parke/kulturnoe-nasledie/nebesa-ruchnoy-raboty/> (дата обращения: 20.05.2026).

1. «Небо» часовни
во имя Рождества
Пресвятой Богородицы
деревни Тамбич-Лахта.
Пудожский уезд
Олонецкой губернии.
Посл. четверть XIX в.
Кенозерский
национальный парк.
Фото: Ю.А. Закунов

2. Павловопосадский
платок шерстяной
с осыпкой (оверлоком)
«Мойсадик».

72 × 72.

Художник:

Наталья Белокур,

ОАО Павловопосадская

платочная мануфактура.

Источник: platki.ru

выходим и на общезначимые формулировки: культура прочитывается как нахождение и осуществление совершенных форм, соответствующих данной изначальной природе и заданию, состоящему в преображении, а ценность реализует себя как единство трех «ипостасей»: данности, заданности и осуществления в конкретной целостности развивающегося субъекта, восходящего к своему первообразу.

Верную оценку дать невозможно без включения в систему наследования культуры божественных энергий, преобразующих бытие

и преодолевающих в опыте человеческой истории и духовной практике расстояния между «тварным и нетварным». Это область Свободы, Красоты, Добра, Веры, Справедливости, Истины — полноценного синтетического бытия, которое «дано в своей заданности» к осуществлению в личной жизни каждого и в истории человечества в целом. Этот уровень — так сказать, объемное «третье измерение», которое нельзя изобразить на плоскости без искажений (но лишь в проекции); в нем можно лишь «стать», так же как нельзя за кого-то родиться. Редукционизм (сведение к одному

**3. Павловопосадский
шерстяной платок
с шерстяной бахромой
«Любава».**

146 × 146.

Художник:

Наталья Белокур,
ОАО Павловопосадская
платочная мануфактура.

Источник: platki.ru

из измерений, свойств) приводит к обеднению и искажению реального содержания «ценности». В онтологическом плане именно ценность наиболее целостна и конкретна.

Чисто искусствоведческий подход здесь должен уступить место культурной антропологии и философии. Национальный творческий духовный акт является системообразующим деятельностным центром, где данные от божественной природы первичные силы души встречаются с заданной

свыше духовной (метафизической) сферой бытия и побуждают к созидательному творчеству в самобытной национальной форме [5, с. 54]. Наследование этого культурного творческого акта новым поколением дает возможность человеку и нации пребывать в вечности. Использование категорий «данность», «заданность» и «осуществление» позволяет систематизировать практику культурно-наследования и актуализировать процесс его изучения. Важна ценностно-смысловая доминанта

4. Павловопосадский
шерстяной платок
с шерстяной бахромой
«Фантазия».

148 × 148.

ОАО Павловопосадская
платочная мануфактура.

Источник: platki.ru

объекта культурного наследия, его интерпретация с точки зрения непреходящих традиционных духовно-нравственно и эстетических ценностей, выраженных в самобытной национальной форме, которые животворят настоящее и создают будущее, а подлинно объединяющим синтезирующим началом признаются те ценности, которые имеют надвременной, внепространственный и неумозрительный характер.

**Проблемы наследования традиций
народных художественных
промыслов России**

Видный исследователь проблем наследования культуры И.К. Кучмаева отмечала: «Наиболее

существенный признак живого культурного наследия заключен в его способности к социально-культурной ориентации человека, регуляции поступков и побуждений отдельных людей, а через них и социально значимой регламентации общественных отношений и, более того, к консолидации сил той или иной социально-культурной общности» [13, с. 56]. Это особо применимо к народным художественным символам и образам. Академик Д.С. Лихачёв считал, что все предметы подлинного народного искусства принадлежат единому стилю, выражают единое представление о красоте, служат празднику и отдыху как части трудового быта. Он писал: «Искусство, созданное русским народом, — это не только

**5. Скатерть
«Цветная».**

Вологда, 1920-е.

Нить льняная (суровая и отбеленная), нить цветная (мулине); коклюшечное кружево, сцепная техника плетения. 153 × 153.

Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник — Музей кружева.

Фото: Ю.А. Закунов

богатство, но и нравственная сила, которая помогает народу во всех тяжелых обстоятельствах, в которых русский народ оказывался. Пока живо искусство, в русском народе всегда будут силы для нравственного самоочищения» [14, с. 9]. Академик М.А. Некрасова отмечала, что народное искусство несет свет и радость, воплощает вечно живые народные идеалы красоты и совершенства, обращается к современнику вечными ценностями своих образов.

В настоящее время ценностно-цивилизационный подход призван не только номинально,

но и фактически стать теоретической основой государственной культурной политики. К его положениям восходят утвержденные указами Президента Российской Федерации нормативные документы последнего времени. Дальнейшее их применение требует углубленного синтетического понимания и предметной конкретизации. Происходящие кардинальные изменения в отношении традиционного наследия, глобализационные процессы, связанные с переформатированием всей «культурной матрицы» человечества (вытеснение гуманизма трансгуманизмом, экспансия

6. **А.Н.Ракчеева.**

Скатерть «Метелица».

Вологда, 1983.

Нить хлопчатобумажная,

нить льняная, люрекс:

кружевоплетение

(сцепная техника).

Д.: 233.

Вологодский

государственный

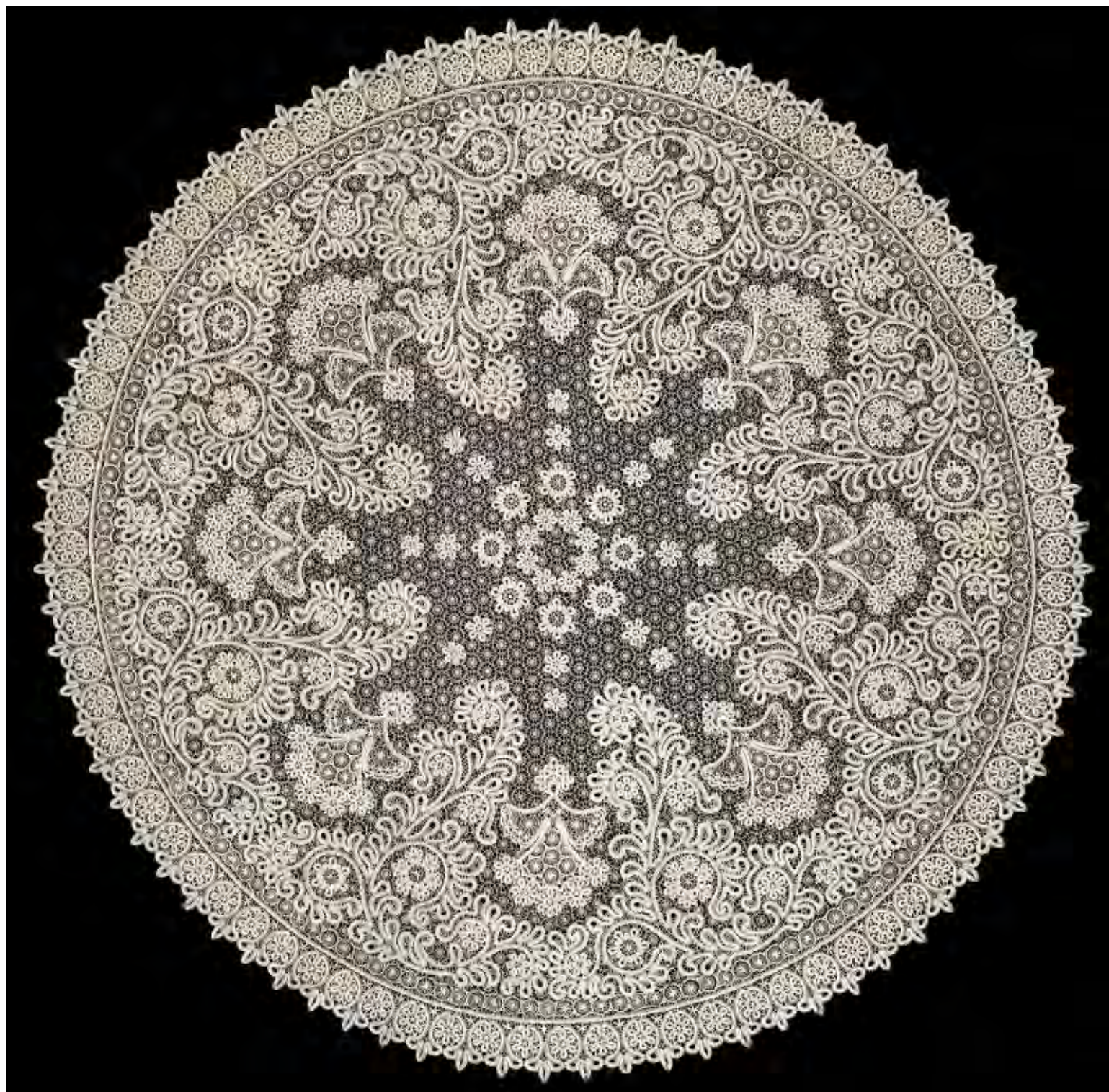
историко-архитектурный

и художественный

музей-заповедник —

Музей кружева.

Фото: goskatalog.ru

информационно-коммуникативной среды, манипуляция массовым сознанием, деиндивидуализация, виртуализм, деконструкция и прочее), предполагают не просто реактивное «ответное» действие для сохранения своей культурно-цивилизационной идентичности, уход в изоляционизм и «поклонение прошлому», но активное «возбуждение встречного течения», несение всемирной культурной миссии России через создание своего нового конкурентоспособного культурного контента, продолжающего отечественные традиции.

Актуальным представляется обращение к аксиологии наследования нематериального

культурного наследия России — традиционно-народного искусства и творческих индустрий, рассматриваемых прежде всего в качестве фундаментальных ценностей. Это требует интериоризации, где ключевая роль должна отводиться образовательно-воспитательным механизмам, духовно-нравственному и эстетическому воспитанию, формированию культуры творческого акта.

Как было отмечено, Россия как цивилизация определялась не внешними национальными или прагматическими связями между людьми, но духовностью, которая складывалась из глубинных народных истоков, народного русского менталитета

**7. Тамбовская
вышивка.**

Современная
реконструкция
традиционной вышивки
кон. XIX – нач. XX в.
Источник:
tambstitcher.narod.ru

и православной нравственной составляющей, пронизанных божественными энергиями, и формировалась в процессе длительного исторического развития.

Традиционные художественные промыслы как вид народного искусства, казалось бы, схожи с декоративно-прикладным искусством, которое, в свою очередь, объединяет все стороны художественной и ремесленной деятельности человека (эстетическую, хозяйственную, духовно-нравственную, правовую). Здесь «интегрируются способы формообразования на основе всеобъемлющего принципа *декоративности* — органичной связи каждого элемента композиции

с окружающей средой: предмета с пространством, объема с декором, изображения с форматом, рельефа с цветом и фактурой поверхности» [15, с. 134]. Однако декоративно-прикладное искусство — искусство индивидуально-художественное, по своей сути элитарное (высокое), не массовое, требует особой профессиональной подготовки, и, главное, оно не обязательно *народное искусство*. Последнее, в свою очередь, представляет целостную систему уникальных традиций, хранящихся в национально-культурной памяти, и формируется духовно-нравственными и эстетически-художественными ценностями народа. В современном мире народное искусство

8. **Н.А. Гуцин.**
Блюдо.

2012.
Дерево;
традиционная
хохло́мская роспись
масляными красками.
Нижегородская область,
Ковернинский район,
с. Сёмино.
Фото: Т. Шепелева,
book-hall.ru

сохраняет свою значимость как носитель базовых культурных кодов. В России «народная память хранит выношенные опытом каждого народа ценности, отношение к жизни. Жизнь для русского самосознания — высшая ценность, отождествляется с Вечностью и Красотой — премудростью Божией, природа воспринимается родственным чувством, земля почти боготворится. <...> Нравственные установки православия соединялись

в народном творчестве с личными (и соборными) переживаниями вероучительной истины, правды, красоты, из чего и черпалось вдохновение», — писала М.А. Некрасова [16, с. 13]. Современное народное искусство развивалось поначалу в рамках своего аутентичного, традиционного бытования, как оно возникло; потом — как деятельность профессиональной специализированной культуры на основе общности промысла в рамках местной

художественной традиции; как творчество отдельных мастеров, сохраняющих коллективный художественный опыт; как организованные мастерские, которые имеют свои помещения, необходимые средства, оборудование, кадры и соответствующий план по производству изделий. Чтобы декоративно-прикладное искусство могло стать действительно народным искусством, должно пройти время, появиться самобытная художественная школа мастеров, базирующаяся на фундаменте национальной культуры, и, как вариант, получить статус народного художественного промысла.

Традиционная художественно-утилитарная деятельность народа выражала философско-эстетическое самосознание, веками формировавшееся в специфической среде бытования и коллективной коммуникации. Кардинальные изменения этих условий под влиянием научно-технической революции и новых технологий привели к размытию

функций народных художественных промыслов. Произошло ослабление их производственной составляющей и смещение акцентов на собственно культурную функцию, выражающую общенациональную и региональную идентичность. Сейчас закрепляется понимание народных художественных промыслов как уникальной производственной системы на основе живого творческого процесса и потомственного принципа развития, в которых выражается культурный код нации в единстве идейной и художественной природы народного искусства.

Искажение в наследовании духовно-эстетических традиций, представляющее как имитация таковых, требует серьезного анализа, показывает отсутствие четкой методологии в применении ценностно-цивилизационного подхода и необходимость теоретически обоснованного принципиального ограничения духовно чуждого продукта.

9. **О.Ю. Калягина.**

Платок «Родные просторы».

2017.

Фрагмент.

Золотное шитье.

Нижегородская область,

г. Городец.

Фото: Т. Шепелева,

book-hall.ru

В связи с этим по-прежнему научно обоснованного решения ждут проблемы соотношения свободы творчества и государственного регулирования, весомости мнения экспертов и профессионального сообщества, вопросы сопряжения традиции и творческого обновления, выявления опасностей коммерциализации культурных индустрий, зажатых в «рыночных тисках» затрат и прибыли, угрозы китчевого экспериментаторства и виртуализации в ущерб духовно-эстетической традиции и роли мастера-художника.

Поэтому актуальным представляется обращение к аксиологии наследования нематериального культурного наследия России — традиционного народного искусства и творческих индустрий. Восприятие их как базовых ценностей требует интериоризации, где ключевая роль отводится педагогическим механизмам, духовно-нравственному и эстетическому воспитанию, а также укоренению национального творческого акта.

В современном мире в результате очередных этапов научно-технических революций, развития глобальных информационных коммуникаций и технологий кардинально изменилась социокультурная среда, что привело к размыванию границ и функций народных художественных промыслов, ослаблению производственной, утилитарной составляющей и смещению акцента на художественную, собственно культурную, причем образно-символическую и духовную функцию, выражающую общенациональную и региональную идентичность. Сейчас в отечественной науке закрепилось важнейшее положение о единстве идейной и художественной природы родного искусства в понимании народных художественных промыслов как уникальной производственной системы на основе живого творческого процесса и потомственного принципа развития, в которой выражается культурный код нации. Суть русского народного искусства — в православном мироощущении, воплощении идеи приятия мира и благодатного миропреображения в совершенных художественных формах. Это подтверждается аксиологическим анализом значимых и известных народных художественных промыслов России, показывающим необходимость повышения их роли в современном социокультурном пространстве через возрождение мест бытования, усиление государственной поддержки, акцент на преемственности и популяризации институтами культуры, семьи, образования, просвещения, а также средствами массовой коммуникации.

Проблемное научное поле исследований имеет междисциплинарный характер, как и всё, что связано с наследием. Находясь на стыке искусствознания, эстетики, истории, этнографии и социологии, оно требует выхода за рамки узкого

искусствоведческого анализа. Решить проблему соотношения основных подсистем народного творчества (фольклора, художественной самодеятельности, неофольклора и фольклоризма, народных художественных промыслов) позволяет культурология и ее интегральное направление — теория культуронаследования, созревающая до уровня фундаментальной. Такой подход отвечает и запросам государственной политики в разработке универсального методологического инструментария по сохранению традиций, способного охватить этот феномен в его предметной конкретности и социальных взаимосвязях. Принципиальное значение для решения задач построения фундаментальной синтетической научной теории в этой сфере имеют труды М.А. Некрасовой, И.Я. Богуславской, Т.Л. Астраханцевой (по народному искусству), И.К. Кучмаевой (по культурологии наследования культуры), В.В. Бычкова (труды по эстетике), С.Н. Панарина и В.Н. Расторгуева (по социальной философии и ценностно-цивилизационной проблематике).

Тенденция к стиранию границ между традиционным и самодеятельным художественным творчеством породила для всего профессионального сообщества проблему сохранения чистоты и аутентичности традиционного народного искусства в контексте соотношения традиции и новаций. Особенно актуальной представляется глубинная духовно-эстетическая (включающая идейный, образный и стилистический уровни) составляющая процесса наследования в единстве с социокультурными аспектами феномена народных художественных промыслов: институциональной и организационной преемственностью в плане территориального бытования, институтов профессионального образования (мастерства и ученичества), просвещения, собственно производственных и рыночных аспектов функционирования, а также их различия и сопряжения с креативными индустриями.

Требуется принципиального решения проблема разграничения традиционных народных художественных промыслов и стилизованных изделий декоративно-прикладного творчества, входящих в художественную практику на правах безымянных или авторских произведений, а также профессионального искусства, относящегося к самодеятельному декоративно-прикладному искусству или продуктам массовой культуры и творчества. Особо важной представляется проблема креативных индустрий, претендующих на продолжение традиционного народного искусства или создание новой традиции.

Не решен вопрос: может ли современное народное творчество заместить или вытеснить своими новыми формами традиционное искусство,

если оно воплощает иные эстетические принципы, существенно отличающиеся от народной эстетики, основанной на развитии переходящих из поколения в поколение художественных традиций? Выявление этих принципов и их совместимости в современном художественном процессе и социокультурном пространстве — одна из насущных задач.

Проблема рассмотрения народных художественных промыслов как сферы сугубо экономической либо культурно-художественной является во многом ключевой для искусствоведения, эстетики и культурологии как в научном, теоретическом плане, так и в плане осуществления соответствующей государственной политики для более четкого определения их ведомственной принадлежности. Казалось бы, важным завоеванием последнего времени стало признание на законодательном уровне народных художественных промыслов деятельностью, относящейся прежде всего к культурной сфере. Однако на практике сохраняется двойственность в подходе к народному искусству (народным художественным промыслам): с одной стороны, как к непременно традиционному, то есть призванному к неизменному аутентичному сохранению отечественного культурного наследия — выдающихся предметных образцов, в которых воплощены и закреплены общенациональные и самобытные региональные/этнокультурные традиции, идеалы и символы. С другой стороны, это совокупность народных традиций, художественных школ, технологий, идей, ценностей, символов, представляющих нематериальное культурное наследие, призванных к наследованию, а значит, личностному усвоению, трансляции, совершенствованию и творческому развитию новыми поколениями, в процессе которого имеет место угроза подмены/искажения традиционных ценностей креативными индустриями под влиянием веяний времени, более конкурентных технологий, моды, то есть факторов собственно внехудожественных, неэстетических, бездуховных — рынка и массовой культуры. На эту серьезнейшую опасность для сохранения традиции как наиболее устойчивого и глубокого механизма наследования культуры указывали авторитетные отечественные ученые, в частности выдающиеся исследователи традиционного народного искусства: академик М.А. Некрасова, академик Т.Л. Астраханцева, теоретик наследования культуры И.К. Кучмаева.

«Для этого во всех сферах и механизмах, связанных с реализацией государственной политики, помимо задач формирования профессиональных знаний, умений и навыков, включая их творческое открытие и применение, предлагается в качестве планируемых результатов социализации включить

особый целевой показатель — понимание традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей как необходимую аксиологическую компетенцию, которая должна быть органично связана с другими компетенциями и показателями эффективности и полноценности, давать их интерпретацию (толкование), быть ценностно-смысловым стержнем, обеспечивающим внутреннее единство государственной политики, решать аксиологические (воспитательные, мировоззренческие) задачи по формированию единой гражданско-цивилизационной идентичности» [17]. Окончательный критерий полноты реализации процесса культурного наследования состоит в степени интериоризации (усвоения) субъектом мира культуры.

Народные художественные промыслы являются базисной частью современной традиционной культуры многонациональной России и требуют актуализации.

Сложный процесс наследования культуры обусловлен множеством противоречивых факторов, действием различных институтов и субъектов. Его успешная реализация потребует взаимного согласия и добровольного принятия единой ценностно-цивилизационной модели наследования народного искусства и народных художественных промыслов со стороны профессионального сообщества (художников-мастеров, руководителей предприятий, ученых — культурологов и искусствоведов) и государственной власти, отвечающей за политику в сфере образования, просвещения, искусства и средств массовой информации. Для решения имеющихся проблем, более эффективного сохранения и оживления традиций необходимо преодолеть разногласия между сторонниками понимания народных художественных промыслов как творческой индустрии, регулируемой законами рынка и дизайна, и сторонниками понимания народных художественных промыслов прежде всего как творческого художественного процесса. Отсюда необходимо активизировать выработку и принятие властью, профессиональным и научным сообществом общих идейных принципов и правил, восполняющих недостаток норм социальной регуляции в данной сфере. Это позволит закрепить достигнутую договоренность как правовыми (институциональными), так и духовно-нравственными, а также эстетическими нормами. Иными словами, назрела необходимость подписания особого культурного кодекса народных художественных промыслов как нового инструмента государственной политики в данной сфере. Такой кодекс должен вобрать в себя преимущества всех основных видов нормативной регуляции — обычая, религии, права, морали, компенсируя недостатки каждого из них.

Список источников

1. Панарин А.С. Православная цивилизация / отв. ред. О.А. Платонов; сост. В.Н. Расторгуев. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.
2. Лихачёв Д.С. Заметки и наблюдения. Из записных книжек разных лет. Л.: Советский писатель, 1989. 605 с.
3. Полякова Е.А., Андрейчук Н.М. Традиционные праздники народов России как феномен нематериального культурного наследия // Энциклопедия нематериального культурного наследия России / науч.-ред. совет: И.И. Горлова, С.Ю. Житенёв и др. М.: Институт Наследия, 2022. С. 385–394.
4. Шафаревич И.Р. Россия и мировая катастрофа // Полное собрание сочинений : в 6 т. Т. 2. М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 55–158.
5. Закунов Ю.А. Современные процессы наследования культуры в контексте российской цивилизационной альтернативы. М.: Институт Наследия, 2024. 232 с.
<https://doi.org/10.34685/m2007-1519-0840-l>.
6. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 310 с.
7. Зеньковский В.В. История русской философии : в 2 т. Л.: Эго, 1991. Т. 1, ч. 1. 221 с.
8. Закунов Ю.А. Роль отечественной аксиологии и духовного наследия в интеграции современного общества и практике культурного строительства // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия : сб. науч. ст. / отв. ред. И.И. Горлова. М.: Институт наследия, 2021. С. 92–116.
9. Палушинска А. Учение Григория Паламы как отвержение оригенизма // Майстер Экхарт и св. Григорий Палама: актуальность духовного опыта : альманах / под ред. О.Э. Душина. Псков: Издательство Псковского государственного университета, 2015. С. 163–169. (VERBUM. Вып. 17)
10. Капитанчук В.А. Иконология тварного мира. М.: Издательские решения (Ridero), 2018. 90 с.
11. Рыбаков Н.С. Cogito. Избранные работы по философии. Псков: АНО «ЛОГОС», 2008. 572 с.
12. Позов А.С. (Авраам Позидис) Основы древнецерковной антропологии : в 2 т. Т. 1: Сын человеческий. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. 573 с.
13. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. М.: Государственная академия славянской культуры, 2006. 257 с.
14. Лихачёв Д.С. Русское искусство от древности до авангарда. М.: Искусство, 1992. 408 с.
15. Разницына Е.М., Московская Г.П. Значение осветительных приборов в пространстве интерьера // Вестник Гжельского государственного университета. 2023. № 3. С. 124–134.
16. Некрасова М.А. Народное искусство и православие. Целостность образа мира. Методология исследования // Традиции и современность. 2006. № 5. С. 3–15.
17. Закунов Ю.А. Триады основы сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей // VI Российский культурологический конгресс с международным участием «Культурная идентичность в пространстве традиции и инновации» : программа, тезисы докладов / редкол. В.В. Аристархов и др. М.: Институт Наследия, 2024. С. 91. <https://doi.org/10.34685/NI.2024.73.51.002>.

References

1. Panarin, A.S. (2014) *Orthodox civilisation*. Moscow: Institute of Russian Civilisation. (In Russ.)
2. Likhachev, D.S. (1989) *Notes and observations. From notebooks of different years*. Leningrad: Sovetskiy Pisatel. (In Russ.)
3. Polyakova, E.A. and Andreychuk, N.M. (2022) 'Traditional festivals of the peoples of Russia as a phenomenon of intangible cultural heritage', in Gorlova, I.I., Zhitenyov, S.Yu. et al. (eds.) *Encyclopaedia of intangible cultural heritage of Russia*. Moscow: Heritage Institute, pp. 385–394. (In Russ.)
4. Shafarevich, I.R. (2014) 'Russia and the global catastrophe', in Shafarevich, I.R. *Complete works: in 6 vols, Vol. 2*. Moscow: Institute of Russian Civilisation, pp. 55–158. (In Russ.)
5. Zakunov, Yu.A. (2024) *Modern processes of cultural inheritance in the context of the Russian civilisational alternative*. Moscow: Heritage Institute. doi:10.34685/m2007-1519-0840-l. (In Russ.)
6. Gulyga, A.V. (1995) *The Russian idea and its creators*. Moscow: Soratnik. (In Russ.)
7. Zenkovsky, V.V. (1991) *History of Russian philosophy: in 2 vols, Vol. 1, pt. 1*. Leningrad: Ego. (In Russ.)

8. Zakunov, Yu.A. (2021) 'The role of domestic axiology and spiritual heritage in the integration of modern society and the practice of cultural construction', in Gorlova, I.I. (ed.) *The cultural heritage of the North Caucasus as a resource for the interethnic concord*. Moscow: Heritage Institute, pp. 92–116. (In Russ.)
9. Palushinska, A. (2015) 'The teaching of Gregory Palamas as a rejection of Origenism', in Dushin, O.E. (ed.) *Meister Eckhart and St. Gregory Palamas: relevance of spiritual experience* [Almanac]. Pskov: Pskov State University Publishing House, pp. 163–169. (VERBUM. Issue 17). (In Russ.)
10. Kapitanchuk, V.A. (2018) *Iconology of the created world*. Moscow: Izdatelskie Resheniya (Ridero). (In Russ.)
11. Rybakov, N.S. (2008) *Cogito. Selected works on philosophy*. Pskov: Logos. (In Russ.)
12. Pozov, A.S. (Avraam Pozidis) (2008) *Foundations of ancient church anthropology: in 2 vols, Vol. 1: Son of man*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russ.)
13. Kuchmaeva, I.K. (2006) *Social regularities and mechanisms of cultural inheritance*. Moscow: State Academy of Slavic Culture. (In Russ.)
14. Likhachev, D.S. (1992) *Russian art from antiquity to the avant-garde*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.)
15. Raznitsyna, E.M. and Moskovskaya, G.P. (2023) 'The importance of lighting devices in the interior space', *Vestnik of Gzhel State University*, (3), pp. 124–134. (In Russ.)
16. Nekrasova, M.A. (2006) 'People's art and Orthodoxy. The integrity of the image of the world. Research methodology', *Traditsii i Sovremennost = Traditions and Modernity*, (5), pp. 3–15. (In Russ.)
17. Zakunov, Yu.A. (2024) 'Triune foundations of preserving and strengthening traditional Russian spiritual, moral, cultural and historical values', in Aristarkhov, V.V. et al. (eds.) *6th Russian Cultural Congress with International Participation 'Cultural identity in the space of tradition and innovation': programme, abstracts of papers*. Moscow: Heritage Institute, p. 91. doi:10.34685/HI.2024.73.51.002. (In Russ.)

Информация об авторе

Закунов Юрий Александрович, кандидат философских наук, доцент, руководитель центра наследования культуры, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва, Москва, Российская Федерация, zakunov.yuri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0713-3928>, SPIN-код (Science Index): 5598-6662.

Information about the author

Yury Aleksandrovich Zakunov, Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor, Head of the Cultural Inheritance Center, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation, zakunov.yuri@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0713-3928>, SPIN-code (Science Index): 5598-6662.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.05.2026; одобрена после рецензирования 31.08.2026; принята к публикации 02.09.2026.

*The article was received by the editorial board on 29 May 2026;
approved after reviewing on 31 August 2026; accepted for publication on 02 September 2026.*